Игорь Чевелев

В нашем СНТ Убийца

Игорь Чевелев

В нашем СНТ убийца

«Автор»
2026

Чевелев И.

В нашем СНТ убийца / И. Чевелев — «Автор», 2026

Председателя СНТ «Васильки» Зинаида Аркадьевна Мышкина находит в десять минут восьмого утра: в натопленной бане, с пробитой головой. Первая её мысль совершенно недостойная: ведомость он так и не подписал.Зинаиде шестьдесят четыре. Сорок лет она проработала в школе, двадцать два из них завучем, и твёрдо знает, что любая версия требует протокола. Теперь у неё есть внучка-блогер с телефоном на гибком штативе, собака с одним белым ухом, участковый Костя и сейф, из которого пропали четыреста десять тысяч на скважину. Скважину, кстати, так и не пробурили.Три года в посёлке платили за воду, которой нет. Кто-то подпёр дверь бани поленом, кто-то оставил на подоконнике воск, а в чате «Васильки Онлайн» девяносто три человека уже решают, кого арестовать. Чтобы найти убийцу, Зинаиде придётся записать в протокол всех соседей, включая лучших друзей.Уютный детектив с юмором, в котором даже пирог бывает уликой, а самое опасное оружие - подпись под актом.

© Чевелев И., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Горячий пар и холодный председатель 5
Горячий пар и холодный председатель 5
Глава 2. Полено, которого не было 11
Полено, которого не было 11
Глава 3. Четыреста десять тысяч и один честный сейф 17
Четыреста десять тысяч и один честный сейф 17
Конец ознакомительного фрагмента. 23

Игорь Чевелев
В нашем СНТ убийца

Глава 1. Горячий пар и холодный председатель

Горячий пар и холодный председатель

Суббота, 15 августа

Председателя я нашла в десять минут восьмого утра, в натопленной бане, с пробитой головой, и первая моя мысль была совершенно недостойная: ведомость он мне так и не подписал.

Стыдно, да. Но я сорок лет проработала в школе, из них двадцать два завучем, и знаю, что человеческий мозг в беде хватается за самое мелкое и бумажное. Это у него вроде поручня.

Через полчаса меня уже будут подозревать в ограблении сейфа. К обеду моя внучка выложит в интернет мою фотографию в панамке с вишнями. А к вечеру выяснится, что в нашем СНТ кто-то три года воровал воду. Буквально: воду, которой нет. Но давайте по порядку, иначе получится педсовет, а педсовет никому не нужен.

Я встала в половине седьмого. Это не подвиг, это возраст. Организм после шестидесяти четырёх выдаёт будильник сам, и звонит он тем громче, чем позже ты легла. Легла я после полуночи, потому что в пятницу вечером у меня случился разговор, о котором я собиралась подумать, и думала я до тех пор, пока не заныла шея. Ничего не придумала. Решила, что утро вечера мудренее, а утром всё равно пойдёт дождь, и мудрость отложится.

Дождя не было. Было одиннадцать градусов, роса по колено и такой воздух, какой бывает только в августе в Тверской области, когда лето уже собирает вещи, но ещё делает вид, что просто вышло в магазин. Я надела вязаную кофту, налила в термос мятного чаю, водрузила панамку с вишнями (внучка называет её «головным убором с принтом», я называю её панамкой) и взяла папку с ведомостью по взносам. На скважину сдавали все. Ну, почти все. Не сдали четыре участка, и я хотела, чтобы Громов наконец поставил в ведомости подпись и разрешил мне позвонить должникам с чистой совестью и казённым голосом.

- Клякса, - сказала я собаке. - Пойдёшь со мной?

Клякса подняла голову из корзины. Она вся чёрная, кроме одного белого уха, и смотрит так, будто именно это ухо делает её умнее остальных. Потом встала, потянулась и пошла к двери. Моя дворняга ходит за мной на любое дело, где можно что-нибудь найти в траве и съесть. Я эту её философию уважаю.

Алиса, моя внучка, спала на мансарде. Я слышала через потолок её дыхание, ровное, как у человека, которому пятнадцать и которому совершенно нечего бояться. Приехала она вчера, на «практику», как это называется у школы. Практика заключалась в том, что ребёнок два месяца должен был жить на воздухе и получить от меня навыки садоводства. Навыки садоводства она получила вчера вечером: поливала грядку, на которой у меня ничего не растёт. Но об этом потом.

Мышкины вообще люди записочные. Муж мой, покойный Николай, оставлял мне записки, даже когда сидел в соседней комнате: «Зина, чаю». Я отвечала запиской: «Сам встань». Брак держался на бумаге двадцать восемь лет и ни разу не дал течь.

Я оставила на холодильнике записку: «Ушла к Громову, вернусь к завтраку. Яйца в миске, масло там, где всегда, сковорода там, где ты её вчера оставила». Подумала и приписала: «Не снимай меня на видео». Это на всякий случай.

Наше СНТ называется «Васильки». Восемьдесят шесть участков, одна центральная улица Широкая, на которую выходят четыре линии: Первая, Вторая, Третья и Четвёртая. Названия, как видите, придумывал человек, не склонный к поэзии. Сторож Фёдор Ильич с утра пишет в тетрадку номер каждой машины, а потом утверждает, что ничего не слышал, потому что слух у него остался в армии, вместе с половиной зубов. Сто сорок километров от Москвы, пруд-карьер, который мы называем Лужей, будка правления у въезда, шлагбаум и сторож Фёдор Ильич, который этот шлагбаум охраняет от всех, кроме тех, кто громко кричит.

Мой участок двадцать третий, участок Громова семнадцатый. Идти недалеко, по Широкой мимо четырёх заборов, но идти надо с достоинством, потому что на Широкой в субботу утром уже все на ногах. Вот у Гришиных на Первой линии вывесили на забор шифер, который собирались менять с мая. Вот у Лидии с девятнадцатого поливают из шланга помидоры, на которых чёрные пятна фитофторы видны с дороги. Вот в сорок втором включили радио, и диктор бодро объявил, что температура в Твери составляет четырнадцать градусов. Мы все подождали, пока он закончит, потому что в СНТ радио слушают как камертон: если сказали, значит, так и есть.

Я шла и думала про пятницу.

В пятницу вечером, около половины девятого, я заходила к Громову домой. Сидели на веранде. Он был не такой, как всегда. Громов, Виктор Анатольевич, пятьдесят восемь лет, тяжёлый, громкий, с лицом человека, который родился уже председателем и потом долго ждал, пока ему выдадут печать. Анекдоты он рассказывал так, что смеялись даже те, кто их слышал в девяносто пятом. Командовал всеми, включая погоду. И вот этот человек сидел на веранде, смотрел в чашку и не рассказывал анекдот.

Он сказал мне: «Зинаида, я такое наделал, что только в петлю». Я тогда ответила что-то вроде «Виктор Анатольевич, не говорите глупостей, у вас давление». Он сказал: «Давление, да. На собрании двадцать третьего всё скажу. Всё. И фамилию назову». Какую фамилию, он не сказал. Я пошла домой, спросила себя, не приснилось ли мне это, и ответила себе, что приснилось бы, если б я спала. Но я не спала.

Об этом я решила никому не рассказывать, пока не пойму, о чём речь. Это тоже педагогическая привычка. Скажешь родителям половину, и они додумают вторую так, что в школу придётся вызывать участкового.

На ведомость он тогда махнул рукой: «Приходи завтра к семи, подпишу, пока жары нет. Я баню протоплю, с утра попаримся». Это было странно: с утра он никогда не парился, парился он по вечерам и обязательно с шумом, с вениками, с песнями. Но я решила, что председатель нервничает и ищет себе процедуры.

- Зинаида Аркадьевна, - окликнули меня с Первой линии, - вы чего такая быстрая? Горит чего?

Это была Тамара Быкова, участок девять. Она стояла у своей калитки в халате в цветочек, поверх которого на всякий случай была надета олимпийка, и с телефоном в руке. Телефон у Тамары как у другого человека рука: она с ним и ест, и спит, и, по слухам, моется.

- Взносы, Тамара. Громов обещал подписать ведомость.

- А, Громов. - Она оживилась так, как оживляются люди, которым дали повод. - Он вчера вечером с Эдиком Глушко орал, слыхали? Мне прямо в чат хотелось писать, да я сдержалась. Триста тысяч какие-то, Эдик говорит, отдам, а Виктор Анатольевич говорит, отдашь, когда рак на горе свистнет. И Серёжа его приезжал, на сером таком, как его... на «Приусе». И Лис свой мёд носил. В общем, весь день не посёлок, а Бразилия.

- Тамара, у вас там чайник кипит.

- Нет у меня чайника!

- Значит, скоро закипит, - сказала я и пошла дальше. Тамара, к слову, в тот момент не сказала мне ничего лишнего. Я проверила это потом, по блокноту. Всё, что она сказала, было правдой, кроме времени и, по-моему, марки машины.

Участок семнадцать. Забор из профнастила цвета кофе с молоком, ворота из того же материала, калитка не заперта. В нашем СНТ вообще мало что заперто, и дело не в доверии, а в том, что воровать у нас нечего. Ну, как выяснилось, не совсем.

- Виктор Анатольевич! - крикнула я с дорожки. - Доброе утро! Я за ведомостью!

Тишина. В кустах жимолости что-то зашуршало, и Клякса стремительно туда нырнула. Дом стоял с закрытыми ставнями, на крыльце лежали две пары домашних тапок и жёлтая лейка. Я постучала. Никто не вышел. Лидия Павловна, жена Громова, на даче бывала редко и в пятницу уехала к сестре в Тверь, это я знала от Тамары, а Тамара знает всё, вопрос только в том, что именно из этого правда.

Я обошла дом.

Баня стоит у Громова в дальнем углу участка, за беседкой. Сруб из лиственницы, который он ставил сам и которым гордился больше, чем сыном. Предбанник, парилка, в предбаннике окно размером с форточку, в парилке окна нет, зато есть печь-каменка, дверца которой выходит в парилку. Всё это я знала, потому что бывала в этой бане: однажды зимой ремонтировали у неё крышу, и я принимала работы, как казначей, глядя на смету с лицом человека, который готов заплатить, но хочет увидеть, за что.

Из-под двери тянуло теплом. Я это отметила сразу, потому что утро было свежее, а у порога, где обычно сыро, было сухо и тепло. Выходит, баню топили. Топили поздно, раз за ночь не остыла.

- Виктор Анатольевич, это Зинаида! Вы там?

Я дёрнула дверь. Она открывается наружу, на себя. Дверь подалась на сантиметр и встала. Я заглянула в щель. С той стороны блестел крючок. Обычный, дверной, на петле, продетый в кольцо. Закрыто изнутри. Значит, хозяин там, а не ушёл. И не отвечает.

Тут мне надо сказать две вещи. Первая: я человек не паникующий. Я пережила выпускные экзамены, две проверки из РОНО и ремонт школьной крыши в 2009 году, после которого наш директор лечился в санатории. Вторая: мне было страшно, и страх этот был не театральный, а хозяйственный, как перед сметой, в которой не сходятся цифры. Просто страх у меня работает так, что сначала я начинаю действовать, а потом, когда всё закончится, мне разрешено бояться.

Клякса подошла к двери, понюхала порог и села. Села прямо, ровно, как сидит собака, которая получила команду и не будет её нарушать. Она не скулила. Она просто смотрела на дверь и не хотела идти дальше. Вот это меня и насторожило больше всего.

Я посмотрела по сторонам. Порог чистый, перед ним ведро с ковшом, у стены аккуратно сложены дрова. Больше ничего. Чистая дорожка, влажная трава. И приоткрытое оконце предбанника, на уровне моей груди.

Я подошла и толкнула раму. Она открылась внутрь, свободно, на одной петле. Оконце с книжку шириной, сантиметров сорок на пятьдесят. Я заглянула.

В предбаннике было полутемно. Скамейка, вешалка с банными халатами, венички под потолком, в углу сложенный стул. Внутренняя дверь в парилку стояла нараспашку. И в проёме, на полу, лежали ноги. Босые, большие, белые, с опухшими венами на щиколотках. Лежали они неподвижно и так неправильно, что я перестала дышать, а потом вспомнила, что надо дышать.

- Виктор Анатольевич, - сказала я тихо, но уже понимала, что тихо не надо.

Дальше я сделала то, за что мне потом попало от одного молодого человека, но о чём не жалею. Я подтащила от стены чурбак, на котором Громов колол щепу, поставила его под окно, взобралась, подтянулась и пролезла внутрь. Не смейтесь. Я худая, мне шестьдесят четыре, я

полвека ходила по лестницам школы, а летом лазаю по смородине. Окно с книжку шириной, но у меня размер сорок шестой, а не пятидесятый. Панамка упала внутрь раньше меня.

Внутри было жарко и пахло дровяным дымом, берёзовым веником и ещё чем-то сладким и густым. Мёд, сообразила я. И какая-то трава. Мята? Нет, не мята, мята у меня в термосе. Что-то другое, душистое, летнее. Я стояла на скамье, держась за стену, и пахло так, будто здесь только что заварили чай и забыли выпить.

Я слезла на пол. Подняла панамку. Прошла к двери в парилку.

Громов лежал на боку, лицом к печи, в простыне, которая сбилась и обнажила одно плечо. Волосы у него были мокрые. Рядом на досках расплылось тёмное пятно, не такое большое, как показывают в кино, но достаточное. Затылок был неправильной формы. Не буду описывать. Скажу только, что я давно не видела ничего, что бы так резко превращало человека в предмет.

Я присела на корточки, дотронулась до его запястья двумя пальцами. Он был тёплым. Вот это, пожалуй, самое страшное во всём утре: тёплый, как пирог, который вынули из духовки, но уже не живой. Баня натоплена, доски горячие, тело горячее, и разобраться, остыл он или нет, мог бы только врач. Я не врач. Я завуч.

Пульса не было. Я подержала пальцы ещё немного, глупо, но по-другому не получалось, и убрала руку.

Тут я огляделась. Это тоже привычка: когда в классе что-то случилось, сначала смотришь, кто где сидит, а потом уже разбираешься, кто виноват.

Парилка небольшая, два на два с половиной. Полки в два яруса, у стены лавка. Справа печь с распахнутой на ладонь чугунной дверцей, в топке тлели угли, красные, ленивые, подёрнутые серым. В полутьме они отдавали жаром мне прямо в лицо. На верхней полке стояла чашка.

Простая, толстая, белая, с синим ободком и отколотой ручкой. Я её узнала, у Громова таких было три, он любил пить в бане чай. На дне чашки засахарилась густая тёмная масса, в которой плавали какие-то мелкие листочки. Рядом лежала ложка. Мёд. Мёд и трава. Вот откуда запах.

Чая в чашке не было. Не было и молока, которое Громов, говорят, добавлял во всё, включая борщ. Только мёд с травкой, ложкой, как лекарство. Я подумала: странно, зачем есть мёд ложкой в бане? А потом подумала: это не моё дело, и сама себе не поверила.

На полу, у правой руки Громова, лежала кочерга.

Чугунная, чёрная, метровая, с кованым кольцом на конце. Таких теперь не делают, такие достаются от дедов и стоят у печи, как икона. Конец у неё был испачкан. Я не стала смотреть, чем. Я наклонилась, чтобы разглядеть ручку, и в нос мне ударила пыльца.

Я не знаю, как объяснить человеку, у которого нет аллергии, что это такое. У меня аллергия на пыльцу полыни и, как выяснилось с годами, на много всякого другого. Чихаю я не подамски, не в платочек, а так, что дребезжат стёкла. Я чихнула первый раз, и на кочергу брызнуло мелкое. Чихнула второй раз и стукнулась носом о колено. На третий раз я зажала нос рукавом и отшатнулась, потому что поняла: я сейчас чихаю на место преступления. Я, бывший завуч, которая сорок лет объясняла детям, что на месте происшествия ничего нельзя трогать.

Ладно. Спокойно. Это от веников, решила я. Над головой, в предбаннике, висело штук двадцать веников, и половина из них, насколько я помню, были полынными: Громов считал, что полынь отгоняет мух и недоброжелателей. Пыльца оттуда, понятно. Просто у кочерги она почему-то сильнее. Это всё, что мне пришло в голову, и я приняла эту мысль, как принимают таблетку: не потому что вкусно, а потому что надо.

Я встала. Колени хрустнули. И тут я заметила ещё одну вещь, которая тогда ничего для меня не значила, но которую я, конечно, записала в голове аккуратным почерком: простыня, в которую был завёрнут Громов, была сухой. Волосы мокрые, а простыня сухая. Человек, кото-

рый лёг париться с утра, обычно мокрый весь. А тут как будто он вышел из парилки, вытерся, потом вернулся. Или его кто-то перетащил. Или я придумываю.

Я не стала придумывать. Я вылезла обратно тем же путём, только хуже: на этот раз зацепилась кофтой за гвоздь. Приземлилась на чурбак, чурбак поехал, и я села на траву в позе, которую не оценил бы ни один фотограф. Клякса подошла, понюхала мою щёку и вздохнула с таким видом, будто я ей снова испортила утро.

- Знаю, - сказала я. - Сама знаю.

Руки тряслись. Я вытащила из кармана кнопочный телефон, потому что смартфон мне подарили на юбилей, а я им так и не овладела. Номер участкового у меня был на быстром наборе, под цифрой три. Под единицей сын, который в Новосибирске, под двойкой аптека.

Костя взял трубку на шестом гудке.

- Мм, - сказал он. - Да.

- Костя, это Зинаида Аркадьевна Мышкина.

- А, Зинаида Аркадьевна. Доброе утро. Мм. А что, уже... полвосьмого?

- Десять минут восьмого. Костя, у нас труп.

Пауза. Слышно было, как он садится на кровати и как что-то падает, кажется, будильник.

- Какой труп?

- Громов.

- Он... умер?

- Костя, он не решил полежать. Он умер. У него голова пробита, и лежит рядом кочерга. Я проверила пульс. Нет пульса.

- Вы... вы проверили? Вы что, туда заходили?

- Через окно.

- Зинаида Аркадьевна! - Костя сказал это таким голосом, будто я призналась, что съела вещественное доказательство. - Я же всегда... нельзя же... ничего не трогайте!

- Я уже потрогала, Костя. Запястье. И чашку, нет, чашку не трогала. Кочергу не трогала. Я чихала.

- Вы чихали?

- У меня аллергия.

Он издал звук, который у молодого человека двадцати девяти лет означает глубокое страдание.

- Я сейчас. Мне минут двадцать, у меня «Рено» не заводится, я на Любином мопеде. Звоню в район. Вы на участке? Никого не пускайте. Закройте калитку, стойте у бани. Никого. Слышите?

- Слышу, Костя.

- И Зинаида Аркадьевна. Ничего больше не трогайте.

- Я не трогаю, Костя. Я стою. Я вообще очень статичный человек.

Он что-то ещё сказал, но связь у нас в СНТ работает как настроение, и его слова ушли в шипение. Я положила трубку.

Калитку я закрыла. Клякса осталась у бани, села на прежнее место и стала смотреть на дверь. Я вернулась и осмотрела дверь снаружи, ещё раз, внимательно. Порог чистый, мокрая трава у ступеньки примята только моим следом и собачьим. Рядом с дверью, справа, стопка поленьев, ровная, берёзовая, аккуратная, как корешки подписки на «Роман-газету». Слева ведро. Больше ничего. Дверь висела на петлях, и между ней и косяком светилась щель, в которой поблёскивал металл крючка.

Это я запомнила. Я потом много раз возвращалась к этой щели.

Мне стало плохо. Не от вида, нет. От тишины. Вокруг пели птицы, где-то в соседнем саду гремел ведром Витька с Третьей линии, и среди всего этого утра у меня в голове стоял

один вопрос: кто? Потому что Громов был громкий, тяжёлый, неудобный, но чтобы кочергой, чтобы так...

Ноги подгибались. Я решила дойти до дома, до крана, который у Громова стоит с задней стороны, под навесом. Попить воды. Просто попить воды и посидеть на ступеньке, пока не придёт Костя. Баня никуда не денется, дверь закрыта, окно закрыто мной, я успела захлопнуть раму.

Я пошла через беседку. Вышла к задней стороне дома, нашла кран под навесом, умылась, напилась прямо из ладоней, потому что чашка была бы уже лишней в моей жизни. Села на ступеньку. Достала из кармана платок, вытерла лицо, высморкалась. Над забором, в соседнем саду, мелькнула шапка из синей ткани. Тамара, подумала я. Ну конечно. Тамара Ивановна Быкова, участок девять, ведёт чат «Васильки Онлайн» и спит, как мне кажется, с телефоном под подушкой на случай, если в посёлке что-то случится без неё.

Я посидела минуты три, может, четыре. Достала термос, налила в крышку мятный чай и выпила. Он был горячий, пахнул мятой, и от запаха мяты меня наконец отпустило настолько, что я смогла встать.

Вернулась тем же путём. Вышла из-за беседки, повернула к бане.

И остановилась.

Клякса стояла у двери, шерсть на загривке торчала дыбом. А с наружной стороны двери, прислонённое под углом к косяку, подпирая её намертво, лежало полено. Толстое, берёзовое, метровое, прямо в упор, как будто так и было задумано.

Минут пять назад его там не было. Я смотрела на эту дверь так долго, что могла бы нарисовать её по памяти. Ровная дорожка, ведро слева, поленница справа. Никакого полена.

Я стояла и слушала, как далеко-далеко, за Лужей, заводится мопед.

Глава 2. Полено, которого не было

Полено, которого не было

Суббота, 15 августа

Мопед у Любиного племянника называется «Альфа», и слышно его раньше, чем видно. Он трещит, как будто в нём заперли швейную машинку и швейную машинку обидели.

Но первым к калитке подошёл не Костя.

Я всё ещё стояла и смотрела на полено. Знаете, как смотришь на ученика, который клянётся, что тетрадь была, а потом кошка съела? Вот так я смотрела. Полено было невинное, берёзовое, с кусочком белой бересты на боку. Оно упиралось одним концом в нижнюю доску двери, другим в землю, под углом градусов в сорок пять. Классическая подпорка. Так в деревнях запирают сарай, когда уходят надолго.

- Зиночка! - раздалось от калитки. - Господи, что тут? Я Тамару встретил, она бежит и кричит, что у Вити беда!

Я обернулась.

Георгий Семёнович Лис стоял на дорожке, чуть пригнувшись, как всегда, когда торопится, и держал в руках картуз. Невысокий, плотный, седой, с розовой лысинкой и добрыми глазами навыкате, будто он всю жизнь удивляется, что люди такие хорошие. Участок тридцать первый, двенадцать ульев, лучший мёд в районе и самая спокойная совесть во всём нашем СНТ. Он состоит в ревизионной комиссии. Он единственный, кто приходит на собрания вовремя. Он, когда я в позапрошлом году сломала руку на льду, три недели привозил мне банки с супом и не принимал денег.

- Георгий Семёнович, не подходите, пожалуйста, - сказала я. - Я позвонила Косте. Нельзя.

- Да что случилось-то, Зиночка?

Я посмотрела на него и поняла, что не могу произнести это вслух. Не потому что боялась. Потому что он дружил с Громовым сорок лет. Они вместе покупали участки, вместе ставили первые теплицы, вместе пили и вместе ругались так, что слышал весь посёлок и никто не вмешивался, потому что через час они мирились. Лис был единственным человеком, который мог при всех сказать Громову «Витя, ты неправ», и Громов на это только вздыхал.

- Он в бане, - сказала я. - Георгий Семёнович. Виктор Анатольевич в бане. Он... мне очень жаль.

Лис не вскрикнул. Он как-то сразу осел, взялся рукой за сердце, потом, видимо, вспомнил, что сердце по жалобам Надежды Петровны болит у неё, а не у него, и схватился за калитку.

- Как... как жаль?

- Он умер.

- Нет. - Лис покачал головой. - Нет, нет. Я ему вчера мёд носил. Мы же... мы с ним вчера... - Он замолчал, посмотрел на дверь бани, на полено, на меня и тихо спросил: - А чем?

- Не знаю, - сказала я. Это была почти правда. - Костя сейчас приедет.

Он стоял, держась за калитку, и было видно, что стоять ему трудно. Я подставила ему табуретку, которую вынесла из беседки, потому что на моих глазах человека, которому за шестьдесят, уговаривать стоять на ногах бессмысленно. Он сел. Картуз мял в руках, руки у него были чистые, ухоженные, пчеловод, с мелкими следами от старых укусов на пальцах. От него пахло дымарём и чем-то сладким.

- Зиночка, а ты... ты была у него?

- В пятницу вечером заходила. По делам.

Тут я чуть прикусила язык, потому что сказала это зря. Но Лис только кивнул.

- Ну да. Ну да. Ты же казначей.

Он не спросил, о чём мы говорили. Это я тоже запомнила.

Через ограду с противоположной стороны, из зарослей малины, высунулась голова в синей косынке.

- Зинаида Аркадьевна! Георгий Семёнович! - Тамара Быкова не просто нависла над забором, она вознеслась над ним. Видимо, стояла на какой-то подставке: ведре, ящике или чужом достоинстве. В руке у неё был телефон. - Я всё поняла, не надо ничего говорить. Это правда, что его убили?

- Тамара, слезьте с ящика.

- Правда, что кочергой?

Я открыла рот. Закрыла.

- Откуда вы знаете про кочергу?

- Ниоткуда, я просто так спросила, - быстро сказала Тамара. - У меня муж был, царствие небесное, он кочергой пугал, но не убивал. Значит, не кочергой?

- Тамара, пишите в чат, что произошло несчастье, и всё. Больше ничего.

- Я пишу.

- Я вижу.

- Видео снимаю для истории, - уточнила она с достоинством. - Для истории посёлка. Чтоб потом не врали.

Над ней, за забором, кто-то ещё зашуршал. Через пять минут участок Громова наполнился так, как наполняется школьный двор, когда на уроке упала стенка. Первой пришла Маргарита Сергеевна Вольская с участка сорок, в соломенной шляпе размером с колесо от телеги, с лентой и гроздью искусственных вишен. Мы с ней в тот день были в похожих головных уборах, и я это отметила с неудовольствием: у неё вишни были красивее. Лицо у неё было заспанное и очень красивое, как у женщины, которая решила нравиться даже в чрезвычайной ситуации. Москвичка, пятьдесят два года, приезжает на выходные и, по слухам, на большее. Она остановилась у калитки, вцепилась в шляпу и сказала:

- Мне Тамара написала. Это неправда?

- Маргарита Сергеевна, пока не знаю, что можно сказать.

- Витя... - сказала она и осеклась. Я заметила, что на «Витю» она сорвалась сразу, без отчества. Остальные тоже заметили, потому что рядом с её шляпой образовалась такая тишина, что слышно было, как у соседей ворчит холодильник. Тамара, кажется, даже на секунду опустила телефон и тут же подняла.

Потом пришёл Эдуард Глушко, участок пятьдесят два. Сорок пять лет, ширина плеч как у шкафа, лицо красное, на футболке известковые разводы. Строитель. Громов ему одолжил триста тысяч на какую-то очередную стройку и носил эту цифру перед ним, как гирю на цепочке. Эдик ввалился в калитку, не заметив ни Лиса, ни Маргариту, и рявкнул так, что Клякса на секунду спряталась мне за ноги:

- Где этот?

- Эдуард, - сказала я.

- Мне сказали, что его... Вчера я ему сказал, чтобы он сдох, ясно? Так и сказал. Но не так же, не так же, Зинаида Аркадьевна! Я не в этом смысле!

- Эдик, прекрати, - тихо сказал Лис.

- Я не... - Эдик замолчал, увидел полено, увидел дверь, увидел телефон Тамары и побелел под красным. Постоял и пошёл к дальнему краю участка, к забору и, по-моему, пытался взять себя в руки. Нашёл руки, держал их в карманах, но они всё равно ходили.

Тамара снимала всё. Я отметила про себя, что для человека, который «просто так спросила», она очень точно выбрала ракурс.

Над забором появился ещё один зритель: рыжий соседский кот Барсик. Он прошёл по верхней перекладине, как по канату, сел и с видом заслуженного артиста стал смотреть на двор. Барсик принадлежит Степановым с соседнего участка, но живёт, как мне кажется, везде, где происходит что-нибудь интересное.

- Барсик, брысь, - тихо сказала Маргарита Сергеевна, не поворачивая головы.

- Он вам не мешает, - сказала Тамара.

- Он мне нервы мешает.

- А у вас они есть? - вежливо спросила Тамара, не отрываясь от экрана.

Маргарита Сергеевна медленно повернула шляпу в её сторону. Лента на шляпе дрогнула, как флаг перед боем.

- Тамара Ивановна, милая, не надо меня снимать.

- Я снимаю баню.

- Вы снимаете меня в бане, вернее, рядом с баней. Опустите телефон.

- Народу положено знать.

- Народ вчера вечером съел ваш кабачковый рулет и до сих пор лечится, - сказала Маргарита Сергеевна. - Вы бы не про народ.

Я тогда подумала: хорошо, что я не пью, потому что захлебнулась бы. Но Маргарита Сергеевна, надо отдать ей должное, дрожащими руками поправила шляпу и ещё долго стояла прямо, как балерина, которой сказали, что спектакль отменили, но не сказали почему.

Лис за это время ни разу не взглянул на баню. Я заметила это, но объяснила себе просто: человеку тяжело смотреть на дверь, за которой лежит друг. Я бы на его месте тоже смотрела на траву, на небо, на собаку. Клякса, кстати, подошла к нему, понюхала сапог, чихнула (в этом мы с ней похожи) и ушла к Маргарите Сергеевне, чья шляпа, видимо, пахла интереснее.

Мопед затрещал совсем рядом. Через минуту в калитку вошёл Костя.

Константин Баранов, участковый уполномоченный, двадцать девять лет, веснушки по всему лицу, как будто он кормил кур пшеном и они ответили взаимностью. Форма на нём сидела прилично, но пуговица на кармане пришита чужой ниткой, значит, дома им занимается либо мать, либо любовь. На голове у него был мотоциклетный шлем, который он забыл снять, и в этом шлеме он был похож на очень сосредоточенную картошку.

- Всем отойти от бани, - сказал он голосом, который хотел быть строгим. Потом увидел, сколько нас, и поправился: - Пожалуйста, отойти.

- Костя, шлем, - сказала я.

- А? А, да. - Он стянул шлем, и волосы под ним стояли дыбом. Потом шлем пришлось положить на траву, потому что девать его было некуда. Клякса тут же подошла и обнюхала.

Костя подошёл ко мне и тихо, но так, чтобы все слышали, спросил:

- Где?

- Здесь. За дверью. Закрыта изнутри на крючок.

- Вы мне по телефону сказали.

- Сказала. А ещё я должна тебе сказать, что полено...

Он уже шёл. Подошёл к двери, посмотрел на полено, на щель, на скобу, присел на корточки, достал из кармана перочинный ножик с красной ручкой и примерился им к щели, как я объяснила. Я смотрела, как он работает. Руки у него хорошие, не суетливые. Хороший мальчик. Если бы не торопился, был бы вообще замечательный следователь.

- Полено, - сказал он вслух, ни к кому не обращаясь. - Дверь подпёрта снаружи. А крючок изнутри. Это как?

- Это никак, Костя, - сказала я. - Потому что когда я пришла, полена здесь не было.

Он повернул голову.

- Как не было?

- Я приходила в семь десять. Дёргала дверь. Она подавалась на сантиметр, я видела крючок в щель. Если бы полено стояло, она не подавалась бы вообще. Потом я пошла к крану, а когда вернулась, полено уже стояло.

- Подождите. Вы уходили?

- На пять минут. Мне стало дурно.

- Зинаида Аркадьевна, это важно. Вы уверены?

- Я бывший завуч, Костя. Я двадцать два года наблюдала, кто в какой момент вышел из класса.

Тут от забора со стороны малины раздался голос Тамары. Она слезла с ящика и подошла ближе.

- Это неправда. Полено было.

- Тамара, вас здесь не было.

- Я с окна видела. Я с семи двадцати снимаю. Вот у меня на видео время. Семь тридцать один. И полено стоит. Я могу показать.

Она протянула телефон Косте. Костя посмотрел. Я подошла сбоку и тоже посмотрела. На экране чуть дрожала серая баня, над ней небо, внизу трава, и, действительно, в углу кадра, у косяка, виднелось полено. Только на видео не было ни меня, ни Кляксы. Видео снимали с другого конца участка, из-за забора, и дверь была видна плохо. Цифры в углу показывали 07:31. Время можно было и поменять. Но я не стала говорить этого вслух. Тамара обиделась бы, а мне ещё жить рядом.

- Тамара Ивановна, а на котором участке вы стояли? - спросил Костя.

- На своём, на девятом. Только я на ящик залезла.

- С девятого участка до бани сто двадцать метров, - сказала я. - Через две теплицы и сарай Лидии. Вы видели полено? Вы видели его с такого расстояния?

- Мне телефон показал!

- Телефон не человек, Тамара. Он снимает то, что вы ему показали.

Тамара заморгала. Ссориться со мной ей не хотелось, а уступать не хотелось ещё больше.

- Я же не говорю, что вы врёте, Зинаида Аркадьевна, - сказала она с тем выражением, с каким говорят именно это.

- Зиночка. - Лис поднялся с табуретки, подошёл и положил мне руку на плечо. Рука была тёплая, твёрдая, надёжная. - Ты пережила ужасное. Ты же первая нашла. Тебе могло показаться, что полена не было, это не стыдно. Любой бы запутался. Ты не подумай, я не говорю, что ты ошибаешься, просто в такую минуту память шутит.

Он сказал это мягко, очень по-доброму. И от этого мне вдруг стало не по себе. Не потому что он был неправ. А потому что его слова было так приятно слушать, и мне на секунду захотелось согласиться.

- Георгий Семёнович, я не путаю, - сказала я. - Я проверила дверь. Я знаю, как она двигалась.

- Хорошо, Зиночка. Хорошо. - Он убрал руку. - Конечно.

Костя смотрел то на меня, то на Тамару, то на полено, и вид у него был как у человека, которому сказали, что в задаче два правильных ответа.

- Так, - сказал он. - Записываю: полено. Фиксирую оба показания. Потом разберёмся. Я сейчас открою. Всех прошу отойти за беседку.

Люди отошли. Не все: Тамара осталась, держа телефон так, что он не опускался ни на секунду. Костя убрал полено, положил его на траву, осторожно, в перчатках, которые достал из кармана. Поддел крючок ножом. Крючок звякнул. Дверь распахнулась, и из бани дохнуло жаром, мёдом и железом.

Костя вошёл в предбанник. Я стояла сзади и видела его спину, видела, как он на секунду замер, как у него дёрнулось плечо. Он в этой жизни, похоже, видел только пьяные драки.

- Господи, - сказал он тихо. - Господи боже мой.

Потом выскочил, прислонился к стене бани и сказал, не поднимая глаз:

- Нужна опергруппа. Ждём из района. Никому не входить.

- А чем? - спросил Лис, стоя за беседкой. - Чем его, Костя?

- Тупым предметом, Георгий Семёнович. Больше я ничего пока не скажу.

- Витя, Витя. - Лис покачал головой. - Из печи ведь, поди, выдернули и по голове... Железо это. Вот горе-то, горе.

Он сказал это себе под нос, но рядом с ним оказался Фёдор Ильич, наш сторож, который прибежал от шлагбаума, пыхтя и держа в руках свою знаменитую тетрадку в клеёнчатой обложке. Фёдор глуховат, поэтому Лис повторил погромче, почти прокричав ему в ухо:

- Говорю, из печи, из печи его! Кочергой!

- Кого?! - закричал Фёдор.

- Витю! Громова!

- Что Громова?!

- Мёртвый он, Фёдор Ильич!

Фёдор перекрестился тетрадкой. Я тоже вздрогнула, и не потому, что услышала про смерть. Про кочергу я Косте по телефону сказала, а вот про печь не говорила никому: кочерга лежала на полу, и откуда её взяли, я не знала сама. Костя про печь тоже не говорил ни слова. Но Тамара наверняка рассказывала всем у забора про то, что подсмотрела в окошко. Я тогда подумала именно так: у Тамары глаза как бинокль, а ушей хватит на два посёлка. И записала это в уме. В блокнот записала позже, вместе со всем остальным: «7:52, Г. С. Л. упомянул кочергу и печь. Откуда?» Вопросительный знак поставила карандашом, так, чтобы стереть при необходимости. Стирать не пришлось.

Фёдор Ильич, правда, успел сказать Косте кое-что до того, как мы с ним расстались, и теперь я передаю это с его слов. Костя спросил, не проезжал ли ночью кто чужой. Фёдор приложил ладонь к уху:

- Чего?!

- Машины ночью! Какие были?!

- Записано! У меня всё записано! Каждую!

- Покажите!

- Не покажу!

- Почему?!

- Потому что ты, Костя, молодой, а тетрадь казённая! Сначала бумагу от начальства! А то я, как собака на сене, всю жизнь сторожу, а мне потом говорят, что выдал!

Костя посмотрел на меня жалобно. Я только развела руками. Фёдор Ильич охраняет шлагбаум тридцать один год, и за это время ни один начальник не добрался до его тетрадки. Эту тетрадку он получил от нас на Новый год в 2019-м, когда мы всем СНТ скинулись на канцелярию. Больше ничего ему не нужно: ни премии, ни благодарности. Только бы никто не брал его тетрадь без бумаги от начальства.

Костя повернулся ко мне.

- Зинаида Аркадьевна, мне нужны ваши показания. Подробные. Но не здесь. Давайте... - он огляделся. - Куда можно?

- В будку правления, - сказала я. - Там чайник. И стулья.

- Хорошо. Пока вы идёте, я тут...

- Костя, а ты окно проверил? - спросила я. - Предбанника?

Он повёл плечами.

- Какое окно?

- Маленькое, в предбаннике. Я им воспользовалась. Закрыла рамой, но не на щеколду. Если убийца выходил, то только им. Крючок-то изнутри, значит, дверью никто не выходил.

Костя закрыл глаза.

- Вы лазили в окно, - сказал он. - В баню, где лежит убитый. Вы лазили в окно.

- Два раза. Туда и обратно.

- Зинаида Аркадьевна, я вас очень уважаю. Но если вы мне ещё хоть раз скажете, что вы потрогали или полезли...

- Я тебе варенье привезу, - сказала я.

- Смородиновое?

- С яблоком.

- Ладно, - сказал Костя, и лицо у него смягчилось ровно настолько, насколько дозволяют служебные инструкции. - Идите. Я подойду. Эдуард Николаевич, вы остаётесь здесь. Остальные могут быть свободны, но из посёлка до особого распоряжения не выезжать.

- Это что, мы теперь все под домашним арестом? - громко поинтересовалась Тамара.

- Это просьба, Тамара Ивановна.

- Сформулируйте иначе, а то я напишу, что приказ.

- Не пишите.

Я пошла к воротам. Лис пошёл рядом со мной, чуть сутулясь, и всю дорогу молчал. Только у калитки, когда я собиралась свернуть налево, к Широкой, он остановил меня.

- Зина. Я бы хотел тебе кое-что сказать.

- Слушаю.

- Витя... он последнее время сам не свой был. Ты, наверное, тоже заметила? Я его спрашивал, но он отмахивался. Я теперь думаю, что надо было настоять. Мы же с ним сорок лет, я бы мог.

- Георгий Семёнович, - сказала я. - Никто не мог.

Он кивнул. Глаза у него были мокрые. Он погладил меня по руке, как гладит человек, у которого полностью в порядке совесть. Мне и в голову не пришло подумать другое.

Я пошла по Широкой. Солнце уже поднялось над соснами, роса высохла, и от земли шёл тёплый запах пыли и укропа. В окнах стояли лица. На каждой калитке висел кто-то в халате, и все они тихо смотрели мне вслед. Сегодня утром мы все узнали, что в нашем СНТ есть тёмная сторона, а у кого-то из нас она, по всей видимости, очень сильно болит.

Шла я, надо признать, быстрее, чем позволяют суставы. В голове у меня вертелись три вещи. Первая: полено. Вторая: Лис, который сказал про печь. Третья: что в сейфе правления лежали четыреста десять тысяч наличными, и я, как казначей, получалась человеком, которому первому придётся объяснять, куда они делись, если они делись.

Метров за сто до будки правления меня догнал крик.

- Зинаида Аркадьевна! Зинаида Аркадьевна! Вы ключи не теряли?!

Фёдор Ильич бежал за мной по обочине, держа тетрадку над головой, как флаг. Он остановился, упёрся руками в колени и, не отдышавшись, прокричал на всю улицу, так что Клякса залаяла в ответ:

- Там дверь! Правления! Настежь! И сейф... сейф открытый стоит, пустой!

Глава 3. Четыреста десять тысяч и один честный сейф

Четыреста десять тысяч и один честный сейф

Суббота, 15 августа

Правление нашего СНТ помещается в будке два на три метра, которую в девяносто четвёртом году привезли из ближайшего колхоза «Заря» вместе со сторожем, и сторож, говорят, до сих пор считает, что она ему должна.

Стоит будка у самого въезда, слева от шлагбаума. Крыша зелёная, шиферная, стены обшиты вагонкой, которую красили три раза и каждый раз в другой зелёный. На двери висит табличка «Правление» и ниже, фломастером, добавлено «Стучать». Это было моё предложение, ещё при прошлом председателе, и оно до сих пор не работает: стучат только дети, а взрослые заходят так.

Дверь была открыта. Не распахнута настежь, как кричал Фёдор Ильич, а приоткрыта на ладонь, как оставляют, когда вышли на минуту. Замок целый, ни царапин, ни вывернутых петель. Я остановилась на пороге и не стала входить. Три года я говорила себе, что если когда-нибудь у нас что-нибудь случится, я буду вести себя разумно: ничего не трогать, не топтать, не лапать. Утром я нарушила это правило дважды, влезая в окно, и решила хотя бы теперь исправиться.

Фёдор Ильич стоял сзади, дышал, как кузнечные меха, и тетрадку прижимал к груди.

- Фёдор Ильич, вы заходили?

- Чего?

- Заходили, говорю?

- Нет! - Он замотал головой. - Я только дверь увидел. Вышел на крыльцо, а она открыта. Я не входил. Я Громова любил, но нельзя же трогать!

- Хорошо. Постойте тут.

Я заглянула внутрь.

Сначала в глаза бросается стенд. На одной стене у нас висит фанерный щит с объявлениями, и на нём всё: «Взносы до 1 июля», «Собаки на цепи, а не на людях», «Нашему СНТ 39 лет!» с воздушным шариком, нарисованным детской рукой, и график откачки септиков, составленный Тамарой, хотя септики к её компетенции отношения не имеют. Под стендом стол, на столе электрический чайник и две кружки, на подоконнике засохший алоэ, на стене календарь за 2019 год с тремя котятами. Календарь Громов не снимал из принципа: «Год хороший был, не трогай».

А в углу, справа от двери, стоял сейф.

Знаете, есть вещи, которые видишь каждый день и перестаёшь замечать. Сейф у нас зелёный, высотой по пояс, тяжеленный, с кодовым замком и ручкой, как у холодильника. Достался от бывшего завхоза колхоза «Заря», и, по-моему, его просто не сумели вынести, поэтому оставили. Я помнила его закрытым. Он всегда был закрыт.

Сейчас дверца была приоткрыта, чуть-чуть, как рот у человека, который собирался что-то сказать и передумал.

Внутри было три полки. На верхней обычно лежали печать и штампы. Печать на месте. На средней должны были лежать деньги в серой полотняной сумке, которую шила Надежда Петровна Лис на заказ, с двумя ручками и пуговицей. Сумки не было. На нижней стояла плотная картонная папка с завязками, синяя, подписанная Громовым от руки: «Скважина». Папки тоже не было. На её месте остался только чистый прямоугольник на пыльном дне.

Я постояла. Потом вынула из кармана платок, оттянула им рукав, чтобы не прикасаться кожей, и сделала то, что делала всегда, когда что-то происходило в школе: посчитала.

Четыреста десять тысяч рублей. Я могла бы назвать их с закрытыми глазами и с температурой тридцать девять. Мы сдавали на скважину три года по шесть тысяч с участка в год. Но это были деньги, которые уходили подрядчику по актам, платил их Громов как председатель, я только записывала в кассовую книгу. А в этом году, весной, на собрании в мае он сказал: нужен добор, пять тысяч с участка, на обвязку, на насос, на пуск. Сдали восемьдесят два участка из восьмидесяти шести. Восемьдесят два на пять. Четыреста десять. Эти деньги принимала я, выписывала квитанции с копией и клала в серую сумку, а сумку несла в сейф и записывала в журнал. Потому что Громов сказал: «Положишь в сейф, а я потом сам в банк снесу после собрания, там всё официально оформим». Банк сказал бы то же самое, но Громов любил слово «официально», как другие любят слово «шашлык».

- Деньги не мои, - сказала я вслух. Не для Фёдора и не для себя. Для мира.

- Чего?! - откликнулся Фёдор.

- Говорю, ничего, Фёдор Ильич. Стойте, пожалуйста, на месте.

Я отошла от сейфа и села на стул у входа, на тот, на котором сидят приходящие с жалобами. Стул шатается. Я это знаю, потому что семнадцать лет назад сама просила Громова его починить.

Прошло минут двадцать. Фёдор рассказал мне, не дожидаясь вопроса, что вчера вечером у шлагбаума стояла «белая "Лада"», потом «мусоровоз», потом «какая-то серая иностранная»; и ещё что у него вчера сильно болел зуб, и он принял на ночь настойку, поэтому ничего не может утверждать. Я записала это в блокнот, потому что записываю всё. Блокнот у меня клетчатый, на обложке надпись «Для протокола», купленный весной в «Канцтоварах» на Первомайской и ещё почти не исписанный: я им пользуюсь только для особых случаев. Это был особый случай.

Костя пришёл в десять минут десятого. Один, без шлема, с планшетом и красным лицом. Сказал, что из района выехала опергруппа, будет через сорок минут; труп пока охраняют двое из добровольной дружины («Дмитрич и этот, Серёжа»), и он успеет опросить свидетелей до их приезда. Увидел сейф. Остановился. Закрыл глаза, открыл.

- Ничего не трогали?

- Только стул. Я на нём сижу.

- Хорошо. - Он осторожно подошёл к сейфу, посветил телефоном внутрь, ничего не сказал. Записал что-то в планшет. Потом вышел, попросил Фёдора Ильича постоять у шлагбаума и никого не пускать («Никого, понимаете? Даже если с хлебом!»), и вернулся.

- Присядьте, пожалуйста, - сказал Костя.

- Я сижу.

- Тогда сидите.

Он поставил второй стул напротив. Сел. Достал листы бумаги, потом передумал и достал обычную школьную тетрадь с котёнком на обложке (подарок племянницы, пояснил он, заметив мой взгляд). Взял ручку. Перевернул ручку. Взял другую.

- Костя, - сказала я, - ты волнуешься.

- Я не волнуюсь.

- У тебя ручка не той стороной.

- Я вообще-то... - он посмотрел на ручку, на меня и тихо вздохнул. - Это мой первый убитый. Я в институте проходил, но там были фотографии. Простите.

- Здесь не за что извиняться. У меня тоже первый.

- Но вы ведь... вы же казначей. Вы должны...

- Я должна подсчитывать. Убитых я не подсчитываю.

Он улыбнулся. На секунду. Потом лицо снова стало служебным.

- Зинаида Аркадьевна. Мне надо задать вам ряд вопросов. Протокол. Вы давно знаете Виктора Анатольевича?

- Шесть лет как казначей, девятнадцать лет как соседка. Он ввёл меня в правление в двадцатом году, когда прежний казначей уехал в Краснодар вместе с кассой.

- С кассой?

- С нашей кассой, Костя. У нас это принято. Не волнуйся, при мне ни рубля не пропало. До сегодняшнего дня.

- Когда вы видели Виктора Анатольевича последний раз?

Вот. Этот вопрос я ждала с самого утра, и, кажется, ждала зря: я надеялась, что смогу сказать правду. Но правда состояла в том, что в пятницу вечером я сидела на веранде у Громова, пила чай, слушала странные слова, и ни Костя, ни кто другой этих слов от меня пока не услышит. Не потому что я хочу что-то скрыть. Потому что я не знаю, что они значат. А что значит слово, надо знать, прежде чем отдавать его полиции. Сорок лет в школе выучили меня: сказал половину родителям, а они досочиняли остальное, и ты потом разбираешься с последствиями.

- В пятницу, около шести, - сказала я. - Здесь. В будке. Он забирал папку с квитанциями, а я сдавала последние взносы.

Это была правда, кроме слова «последний». Последний раз был в половине девятого, на веранде. Но про шесть вечера я не соврала, мы с Громовым правда заходили в будку. Так что мой педагогический принцип сработал: не надо лгать, достаточно не договорить. Мне не по себе стало ровно настолько, насколько становится не по себе, когда не отвечаешь на вопрос, которого не задавали.

- В шесть. - Костя записал. - Как он выглядел?

- Как всегда. Громко.

- Вы ссорились?

- Мы с Виктором Анатольевичем не ссорились. Мы спорили о запятых в протоколах. Это в нашем СНТ считается нежной дружбой.

Костя снова записал и снова чуть улыбнулся. Потом поднял глаза.

- А сейф. Когда вы его закрыли в последний раз?

- В среду. Я сложила в сумку последние взносы, сорок тысяч, это были опоздавшие. Положила в сейф, закрыла. Код набирала я.

- Кто знает код?

- Я и Громов.

- Больше никто?

- Больше никто.

Тут Костя опустил глаза в тетрадь. Мне не понравилось, как он это сделал. Это было то выражение, с каким хороший ученик собирается сказать учителю неприятное.

- А код какой?

Я вздохнула.

- Двенадцать, ноль пять, восемьдесят семь. Дата первого собрания СНТ. Громов считал, что это романтично. И, Костя, это висит на стенде. «Нашему СНТ 39 лет, основано двенадцатого мая тысяча девятьсот восемьдесят седьмого». Вон, под шариком. Любой, кто умеет читать и хоть раз заходил в будку, мог догадаться.

- То есть код знали все?

- Не все знали, что это код. Но все могли догадаться, если им в голову приходило.

- А ключ от будки?

- У меня и у Громова. Запасной висит на гвозде у окна, под жестяной банкой из-под леденцов «Взлётные». Это знают, по-моему, все, включая кота Барсика.

Костя посмотрел на окно. На гвозде под банкой висел ключ.

- Висит, - сказал он.

- Значит, вор им не пользовался. Или повесил обратно.

- Или у него был свой, - сказал Костя. - Или дверь была не заперта.

- Дверь была заперта. Я лично запирала её в пятницу вечером, когда уходила от Громова. Нет, - поправилась я. - Громов запирал. Я просто стояла рядом и смотрела.

Так. Я только что сказала «когда уходила от Громова», и это было проколом, которого Костя мог и не заметить. Он не заметил. Он писал.

- Хорошо. Зинаида Аркадьевна, скажите, сколько денег было в сейфе?

- Четыреста десять тысяч рублей.

- Откуда вы знаете точно?

Я достала из сумки папку. Обычную, прозрачную, с резинкой. Вынула оттуда лист ведомости. Тот самый. Тот, который мне надо было подписать у Громова.

- Вот. Здесь по участкам. Восемьдесят два сдали по пять тысяч. Четыре не сдали: тридцать седьмой, пятьдесят первый, шестьдесят пятый и семьдесят девятый. Итого четыреста десять тысяч. Все квитанции выписаны с копией, копии у меня дома в коробке из-под обуви. Он собирался подписать ведомость и принять деньги по акту до собрания. Двадцать третьего августа общее собрание.

- Он хотел принять... но в сейфе-то они лежали? У вас?

- У нас. В сейфе правления. Деньги при мне были бы нехорошо, он сам настоял.

Костя поднял бровь.

- То есть Виктор Анатольевич настоял, чтобы деньги хранились не у казначея, а в сейфе, к которому знают код двое: он и вы?

Я посмотрела на него. Вот он, подумала я, момент, когда мальчик перестал быть мальчиком.

- Костя, ты меня подозреваешь?

- Нет. - Он покраснел и стал похож на помидор с веснушками. - То есть я обязан... Зинаида Аркадьевна, я правда не думаю. Но мне же потом объяснять. Я должен спросить.

- Спроси. - Я откинулась на спинку стула, и стул скрипнул. - Могу рассказать, что у меня в школе за двадцать два года пропало три микроскопа и я нашла все три, и что если бы я собиралась украсть четыреста десять тысяч, то не пошла бы к трупу первой, не звонила бы тебе из-за забора, и уж точно не принесла бы ведомость с точной суммой.

- Вы правы.

- Я всегда права, это моя профессиональная болезнь.

Тут у Кости зазвонил телефон. На экране горело: «Майор Рябов». Он поморщился, приложил палец к губам, я кивнула, и Костя включил громкую связь. Рябова я знала по голосу: он выступал на нашем собрании пять лет назад по вопросу квадроциклов, и это были лучшие сорок минут в жизни собрания, потому что он ни разу не сказал ничего по делу.

- Баранов, - сказал голос. Говорил майор так, будто жевал. - Доложи обстановку.

- Товарищ майор, убийство, баня, председатель СНТ Громов, голова пробита кочергой, найден в 7:10 гражданкой Мышкиной, дверь...

- Глушко.

- Что, товарищ майор?

- Глушко Эдуард. Мне уже Быкова написала. Ругались вчера. Должен он ему был. Бери его.

- Товарищ майор, ещё не выяснено, ещё нужно...

- Баранов, что тебе выяснять? Глушко дрался с ним в пятницу, у меня три свидетеля, Быкова мне в мессенджер даже видео выслала. Приезжай, я тебе завтра пришлю следователя, а сегодня вези этого Глушко в район. Сам не справишься, возьми Дмитрича.

- Это ещё не...

- Баранов, Дмитрич надёжный мужик.

- Товарищ майор, пропали деньги из сейфа. И документы.

Пауза.

- Сколько?

- Четыреста десять тысяч.

- Тем более, - сказал Рябов. - У Глушко долг. Он за деньгами и пришёл. Дело ясное. Всё, отбой. Я пообедаю и подъеду.

Костя положил телефон на стол. Стало слышно, как в чайнике остывает вода и как за стеной, у шлагбаума, Фёдор Ильич кричит кому-то: «Нельзя! Закрыто! Даже с хлебом нельзя!»

- Тамара ему видео прислала, - сказал Костя. - Быстрая.

- Тамара всегда быстрая. Вопрос в том, чему она служит.

- Зинаида Аркадьевна, вы думаете, это Глушко?

- Я думаю, что Эдик вчера сказал Громову, что желает ему смерти, а сегодня стоял у бани белый как простыня. Люди, которые убивают, не стоят у бани белыми. Они приходят румяными и говорят, что жара.

Костя помолчал.

- Это ненаучно.

- Это двадцать два года в завучах. Дети, которые разбили окно, приходят красными и громко возмущаются. Те, которые не разбили, бледнеют. Хотя нет, наоборот, бывает по-разному. Забудь. Я не специалист.

Костя убрал телефон в карман и несколько секунд молчал. Потом сказал тихо, глядя на пол:

- Мне сегодня с утра ничего не лезет в горло. А вы чай пили?

- Мятный. Хочешь? - Я достала из сумки термос и вторую крышку, которую всегда ношу с собой, потому что никогда не знаешь, кому понадобится утешение. - С мёдом не предлагаю, мёд у нас сегодня не в почёте.

- А варенье?

- Яблочного в сумке нет. Только сушки.

- Давайте сушки.

Кстати, о Рябове. Я не люблю судить по голосу, но по голосу майор был похож на человека, который всю жизнь ждёт обеда и очень боится опоздать. Говорят, раскрываемость у него отличная: он закрывает дела по первому подходящему кандидату, а подходящий кандидат у него всегда ближайший. Это называется оптимизацией.

Костя пил чай, держа крышку двумя руками, как ребёнок, и мне было его жалко. Хорошая работа участковым в таком посёлке, как наш: два пьяных, одна кража лопаты, один спор про забор. А потом вдруг убийство, майор Рябов и Зинаида Аркадьевна с блокнотом.

- Костя, - сказала я. - Можно, я скажу тебе то, что думаю? Не как свидетель.

- Говорите.

- Ты не должен делать то, что тебе велит Рябов, пока сам не убедишься. Если ты увезёшь Эдика сегодня, а убил не он, настоящий убийца будет тебе очень благодарен. Он выспится.

- Вы так говорите, будто я могу ему возразить.

- Можешь. Один раз. Один раз всем можно.

Костя усмехнулся и откусил сушку. Звук получился такой, будто сломался маленький стул.

Он потёр лоб.

- Мне надо знать про папку. Что в ней было?

И вот тут я поняла, что говорить придётся много, а знаю я очень мало.

- Папка «Скважина», - сказала я. - Договор с фирмой «АкваПрофи», акты выполненных работ, паспорт скважины, технические условия, смета. Всё, что касается бурения. Громов хра-

нил её в сейфе и никому не показывал, ссылался на то, что документы дорогие, надо беречь. Я видела её дважды, оба раза издалека.

- Издалека?

- Он мне её не давал. Говорил, не обременяй себя бумагами, Зинаида, тебе деньги считать. Я принимала взносы и вела книгу прихода. А что куда уходило, платил он как председатель, по актам. Акты подписывала ревизионная комиссия, а потом они отправлялись в папку.

- Кто в комиссии?

- Громов туда не входил, он председатель. Лис, Георгий Семёнович. Ещё Нина Васильевна Горохова, которая уехала в позапрошлом году к дочери в Ярославль. Теперь Лис один.

- Лис, пчеловод?

- Он самый. Добрейший человек.

Костя записал. Потом положил ручку, сложил руки на столе, как делают, когда решаются спросить главное.

- Зинаида Аркадьевна. Скажите честно. Был у Громова какой-нибудь разговор с вами, предчувствие, жалоба, что-нибудь странное в последние дни?

Я посмотрела на его веснушки. На котёнка на обложке тетради. На его ручку, которой он, кажется, ни разу не написал ничего неправильного.

- Он хотел отчитаться по скважине на собрании двадцать третьего, - сказала я. - Сказал, что будет серьёзный разговор. Больше ничего.

Это была не вся правда. Но уж точно не ложь.

- Отчитаться о чём?

- Не знаю. Скважину мы бурили три года. Он собирался подвести итог.

- То есть вода уже идёт?

И вот на этом вопросе я остановилась. Просто остановилась, как останавливаются в дверях, когда забыли, зачем зашли.

Скважина у нас, по официальной версии, была пробурена в июне прошлого года. Громов тогда торжественно сообщил на собрании, что «работы завершены, осталась обвязка и пуск». Мы похлопали. Он показал фотографию: серая бетонная крышка среди сосен, рядом люди в оранжевых жилетах, один из них показывал большой палец. С тех пор мы платили на обвязку, на насос, на пуск, на пуск ещё раз. Каждое лето по поводу воды мы вели себя как верующие по поводу дождя.

Три года я записывала в кассовую книгу строчку «скважина». Три года вносила сумму. Три года Громов говорил: «Вот-вот, Зинаида, ещё чуть-чуть».

Я вдруг поняла, что ни разу в жизни не видела воды из этой скважины. Ни стакана. Ни капли. Ни даже мокрой тряпки.

- Зинаида Аркадьевна? - окликнул Костя.

- Я не знаю, Костя, - сказала я медленно. - Если честно, я не знаю, есть ли у нас вообще скважина.

Он смотрел на меня несколько секунд.

Потом взял ручку, перевернул её правильной стороной и очень аккуратно написал в тетради слово «скважина». И подчеркнул два раза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.